

Моя мать была ханжой и тираном. Ее мировоззрение было ветхозаветным, с мстительным Богом, карающим любой проступок с особой строгостью. Мы, моя младшая сестра и я, не могли смотреть фильмы или телепередачи, если это не было одобрено ее конфессией. Отец был почти таким же плохим, как и моя мать, но он был более открытым в вопросах жизни.

Все наши жизни радикально изменились, когда мой отец погиб в автомобильной аварии. Моя мать очень любила моего отца, поэтому ее горе было выше всяких похвал. Несколько недель после похорон она копошилась в доме, пока ее сестра, тетя Маргарет, не схватила ее и буквально вытащила из дома на встречу с нами, детьми.

"Хватит нести эту чушь, Дженнифер, - сказала тетя Мэгги, - Том не вернется. Ты игнорируешь двух прекрасных детей, которых Бог дал Тому и тебе. Ты ведешь себя так, будто это им вредит. Ты этого хочешь, сестра?"

"Конечно, нет!" сердито отозвалась мама, - "Я люблю своих малышей".

"Тогда снова стань их матерью. Освободи Эдди (прозвище моей сестры Эдит) от выполнения всей работы по дому, плюс стирка, не говоря уже о еде, - это слишком большая ответственность для шестнадцатилетней девушки. Ваш сын делает все возможное, чтобы заменить своего отца, но он всего лишь восемнадцатилетний мальчик, а не зрелый мужчина. Ты нужна им, женщина".

Мама дрожала, из-за чего, я не знаю, но она заметно дрожала, пока мы с Эдди ошарашено смотрели, как наша тетя продолжает читать нашей маме закон о беспорядке.

"Ты меня раздражаешь, Маргрет".

"Бесит!"

Они еще некоторое время обменивались колкостями, пока тетя Маргарет не начала плакать: "Я делаю это только потому, что люблю тебя, Дженни, и люблю своих племянников и племянниц".

"Я знаю, что любишь, Мэгги", - начала плакать мать.

Этот сестринский обмен катапультировал мою мать через пропасть горя и отчаяния. Это, наряду с объятиями и поцелуями в некоторые очень нежные моменты с ней.

Через месяц тетя Лиз, сокращенно Элизабет, устроила маму на работу в юридическую фирму, где она была партнером. Мама была юридическим помощником своей сестры, пока мама не получила сертификат юридического помощника, а мама не закончила юридический факультет.

Отношения между мной и мамой радикально изменились однажды вечером, когда я выходила из ванной с полотенцем на талии. Край полотенца зацепился за что-то и стянул его с меня, после чего, по воле судьбы, я предстал перед матерью совершенно голым. Я попыталась прикрыться, но мама отдернула руки.

"Последний раз я видела это, - она указывала на мой пенис и яйца, - когда ты пять раз болел гриппом. С тех пор он стал еще больше".

Она взяла мой член в руку и погладила мои яйца. Я отпрянул от нее.

"Томас, прекрати. Я просто смотрю и сравниваю твой член с отцовским".

Она повела меня вниз по лестнице в свою спальню. Затем, отодвинув стул у своего трюмо в сторону, обращенную ко мне, и усевшись, она возобновила исследование моего члена, который был уже наполовину эрегирован.

"Томас, перестань ерзать, я не собираюсь тебя кусать".

"Да, мама, я знаю, просто когда ты так делаешь, меня пронзает электрическим током".

"Я знаю, малыш, я вижу, что твой пенис становится все тверже и тверже. Последний раз я видела эрекцию у мужчины в ночь перед убийством Томаса Джеймса Веббера старшего. Прошло восемнадцать месяцев с тех пор, как я держала в руках твердый член".

После этого заявления я почувствовал к ней сострадание. Если ей нужно было поиграть с моим твердым членом, значит, так тому и быть. После первоначального шока ее руке было очень приятно ласкать мой твердый член. Я почувствовал, как сердце забилося быстрее, а во рту пересохло. "О, черт возьми, мама, это приятно".

"Через некоторое время будет еще лучше. Твоему отцу всегда нравилось, когда я делала это с ним, и я знаю, что тебе тоже понравится".

.

Затем я почувствовал, как кончик ее языка лижет мою пиписку. Из нее вытекала жидкость, пытаюсь вырваться наружу, но она доходила только до ее рта, где снова оказывалась в камере ее рта, а затем отправлялась в ее животик, чтобы никогда больше не вырваться наружу.

"Ты такая вкусная, детка. Мама собирается получить еще, так что не пугайся, когда я возьму тебя в рот. А теперь ложись на кровать".

Мягко подтолкнув ее, я падаю на кровать. Она раздвигает мои ноги как раз перед тем, как ее рот поглощает мое мужское достоинство. Трудно было поверить, что всего несколько месяцев назад эта женщина, ведущая себя как шлюха, была образцом добродетели. Ее голова покачивалась на моем члене, посасывая по пути вверх и облизывая по пути вниз. Пока она делала это в этот раз, мои яйца напрягались, наполняясь, и я наконец сказал ей, что собираюсь кончить. Она сигнализирует мне, что сообщение получено, и вскоре после этого мое семя извергается ей в рот.

Я думал, что она выплюнет его, но она не выплюнула, а проглотила: "Ооооо, ты на вкус очень хорош. Вкуснее, чем был твой папаша, когда я глотала его семя в прошлый раз".

Она подошла, и мы поцеловались. Не думаю, что когда-либо раньше я любил ее так сильно, как тогда. Пока мы целовались, я наклонился к ней, используя колено, чтобы раздвинуть ее ноги. Она раздвинула их для меня.

"Мама?"

"Да, Том, в чем дело".

"Каннннн я," я задышался от слов.

"Да?"

"Мама, можно мне войти в тебя?"

"Да, войди в меня".

Мама широко раздвинула ноги, позволяя мне войти между ними. Я помню, как подумал: "Вот дерьмо, я собираюсь трахнуть женщину". Я едва мог в это поверить, но вот он я, место, о котором я мечтал, между ног женщины, готовый войти в ее священное святилище. Я тяжело сглотнул, потом начал потеть.

"Расслабься, Том. Наслаждайся этим моментом. Он останется с тобой на всю жизнь. Я твоя первая женщина?"

Я утвердительно киваю.

"Хорошо, расслабься и толкайся".

Да, воспоминания не покидают меня, спустя годы я все еще чувствую, как влагалище женщины впервые приняло меня внутрь. Ее отверстие открылось для моего проникновения в нее, затем ощущение того, как оно сжимается вокруг моего твердого ствола. Губку, похожую на губку, в которой я находился, ее влажность и тепло. Но больше всего мне запомнилось то, как она была нежна со мной, подталкивая меня, пока мое семя не изверглось в ее лоно.

"Расслабься, дорогой, введи его внутрь, а затем задержи его там, впитывая связь между нами. Мы снова едины, Томас". Крошечная слезинка вытекла из ее глаз, когда моя мама сказала это.

Я немного вытащил, затем медленно ввел обратно, как она меня направляла. Она держала своего птенца на краю гнезда, уговаривая его взлететь. Взгляд в ее полные любви глаза еще больше смягчил мое сердце, и в те моменты, когда я опускался, чтобы поцеловать ее, это было похоже на блаженство. Я не мог продолжать в том же духе, она сказала, что и не ждала от меня этого, а только впахивалась в нее так глубоко, как только могла, прежде чем выпустить в нее свое семя. Когда пришло время, я так и поступил, введя все четыре каната в ее ждущую киску. В тот момент меня не волновало, забеременеет она или нет, я просто хотел овладеть ею своей спермой.

Я поцеловал ее и поблагодарил: "Тебе понравилось, мама?".

"Безмерно, Томас".

Когда она прижималась ко мне, мы слышали голос, обращенный к ней,

"Боже мой, Дженни", - это был голос тети Элизабет, - "Ты только что занималась сексом со своим собственным сыном".

Конец.

To Be Continued.